

Эпистемическая теория демократии

Н.А. Шавеко

Институт философии и права, Уральское отделение Российской академии наук, Ижевск, Россия

АННОТАЦИЯ

В начале XXI в. ряд западных политических теоретиков предпринял попытку разработать систематическое теоретическое обоснование демократии с эпистемологических позиций, т.е. доказать, что именно демократия приводит к наиболее правильным (в том или ином смысле) политическим решениям. В результате можно говорить о возникновении новой нормативной теории демократии, а именно эпистемической. В статье методом сравнительного анализа показано, что основные современные эпистемологические обоснования демократии представлены в формах рационального/умеренного эпистемического процедурализма (Д. Эстлунд и др.), чистого эпистемического процедурализма (Ф. Питер), а также в других формах, например, в демократии надежности (С. Приич Самаржия). В рамках первой формы предлагается выделять три основных способа эпистемического обоснования демократии, а именно через демонстрацию эпистемических преимуществ: 1) совещательных практик; 2) теоремы Кондорсе о присяжных заседателях; 3) разнообразия мнений (формула «разнообразие превосходит способности»). Таким образом, в статье осуществляется обзор современных западных дискуссий, посвященных эпистемическому обоснованию демократии, и осуществляется классификация существующих точек зрения. Раскрываются взгляды основных представителей эпистемологической концепции демократии, а также приводятся наиболее перспективные способы критики этих взглядов. При этом высказываются сомнения в том, что эпистемическую демократию можно рассматривать как разновидность совещательной демократии, поскольку эпистемические демократы ценят не только обсуждение, но и так называемое «чудо агрегации». Также отмечается, что у эпистемологических демократов отсутствует четкая теория о том, как именно их обоснования должны соотноситься с чисто процедурными обоснованиями демократии, связанными с ценностью политического равенства. **Ключевые слова:** модели демократии; чудо агрегации; теорема присяжных Кондорсе; мудрость толпы; совещательная демократия; делиберация; моральный когнитивизм; справедливость

Для цитирования: Шавеко Н.А. Эпистемическая теория демократии. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(5):56-63. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-5-56-63

The Epistemic Theory of Democracy

N.A. Shaveko

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch Russian Academy of Sciences, Izhevsk, Russia

ABSTRACT

At the beginning of the 21st century, some Western political theorists tried to justify democracy in an epistemic way. They wanted to prove that democracy leads to the most correct political decisions. Consequently, it is reasonable to say that a new normative theory of democracy has emerged – the epistemic theory. The article demonstrates that the existing epistemic justifications of democracy are presented in the forms of rational/moderate epistemic proceduralism (D. Estlund et al.), pure epistemic proceduralism (F. Peter), as well as in other forms, for example reliability democracy (S. Prijic Samaržija). Within the framework of the first form, three main ways of epistemic justification of democracy can be distinguished, namely through the demonstration of epistemic advantages of: 1) deliberative practices; 2) the Condorcet jury theorem; 3) opinions' diversity (the formula "diversity trumps ability"). Doubts are expressed that epistemic democracy can be seen as a form of deliberative democracy. This is because epistemic democrats not only value deliberation but also what is called the "miracle of aggregation". The article explores the ideas of the main representatives of the epistemic theory of democracy and suggests the most promising ways to criticize these theories. It also points out that all epistemic democrats lack a clear theory of how their justifications relate to the purely procedural justifications of democracy based on the value of political equality. **Keywords:** models of democracy; miracle of aggregation; jury theorem; wisdom of crowd; deliberative democracy; deliberation; moral cognitivism; justice

For citation: Shaveko N.A. The epistemic theory of democracy. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(5):56-63. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-5-56-63

ВВЕДЕНИЕ

В конце XX в. в западной политической философии особую популярность обрели так называемые совещательные модели демократии. Многие мыслители высказывали различные аргументы в пользу того, что демократический идеал должен включать в себя обязательный совещательный элемент в виде публичных обсуждений по важным социальным вопросам. Однако в начале XXI в. произошло то, что Х. Ландемор назвала «эпистемическим поворотом» в теории совещательной демократии [1]. Р. Гудин и К. Спикерманн даже написали книгу с названием «Эпистемическая теория демократии» [2]. Речь идет о появлении группы ученых, во-первых, убежденных в том, что ценность демократии основана, по крайней мере частично, на ее способствовании принятию в том или ином смысле «правильных» решений, во-вторых, пытающихся именно с этих позиций обосновать преимущества демократии и, наконец, в-третьих, выявляющих конкретные закономерности, позволяющие усилить эпистемические качества демократии.

Помимо этого, всех сторонников эпистемической теории демократии объединяет то, что они признают ценность совещательных процедур. И надо сказать, что в рамках самой теории совещательной демократии обоснования публичных дискуссий с эпистемических позиций ([3, 4] и мн. др.) были, пожалуй, преобладающими. Однако, как представляется, можно по-разному смотреть на то, является ли эпистемическая теория демократии неким «поворотом» в совещательной теории демократии, ведь если совещательные демократы резко противопоставляли свои «диалогоцентричные» взгляды так называемым или «голосоцентричным» («агрегативным») моделям демократии, то эпистемические демократы признают эпистемическую ценность, в том числе, и за агрегативными механизмами. Таким образом, если рассматривать эпистемическую теорию демократии как «поворот» в совещательной демократии, то это отчасти поворот назад в попытке осуществить новый синтез уже существующих идей.

Первым случаем использования выражения «эпистемическое понимание демократии» можно, пожалуй, считать статью Джошуа Коэна 1986 г. [5]. Однако по-настоящему серьезный интерес к эпистемической теории демократии появился после публикации Дэвидом Эстлундом работы

«Демократическая власть» в 2008 г. [6] и во многом является живой реакцией на эту работу.

В настоящей статье будет дан краткий обзор дискуссий об эпистемической роли демократии, которые развернулись в западной литературе в последние годы, раскрыты основные подходы к эпистемическому обоснованию демократии и конкретные способы такого обоснования, а также осуществлена критика этих подходов и способов, которая, однако, в рамках обзорной статьи носит лишь общий характер.

ЭПИСТЕМИЧЕСКИЙ ПРОЦЕДУРАЛИЗМ Д. ЭСТЛУНДА И ЕГО АРГУМЕНТЫ В ПОЛЬЗУ ДЕМОКРАТИИ

Первоначально Д. Эстлунд разработал теорию, обосновывающую демократическое правление, которую он назвал «эпистемическим процедурализмом» [Estlund 2008]. Эстлунд отстаивает тезис, согласно которому тот факт, что некто по общему согласию всех квалифицированных точек зрения является «экспертом» (обладает большей компетенцией), еще не означает, что этот некто должен быть «боссом» (управленцем), поскольку легитимной властью может считаться лишь если она сама по себе принята всеми квалифицированными точками зрения. Одновременно ученый доказывает, что, во-первых, демократия эпистемически лучше принятия политических решений случайным образом (подбрасыванием монеты), во-вторых, лишь демократия может быть принята всеми квалифицированными точками зрения в качестве способа принятия политических решений. Чтобы сравнить демократию с иными формами правления, автор вводит понятие «основные беды» (primary bads), которыми называет войну, голод, экономический коллапс, политический коллапс, эпидемию и геноцид. Стратегия аргументации следующая: если демократия справляется с этими «основными бедами» лучше других форм правления, то она, скорее всего, лучше последних и в других отношениях. На самом деле ученый пытается показать лишь то, что демократия справляется с «основными бедами» лучше, чем механизм случайного выбора, и по крайней мере не намного хуже, чем другие формы правления, что может быть признано всеми квалифицированными точками зрения, и делает это с помощью общих рассуждений об эпистемических качествах делиберативных процессов. Дело в том, что одновременно Эстлунд

выдвигает аргумент против апелляции к завистливым сравнениям, доказывая, что если вышеуказанные условия выполняются, то вряд ли все квалифицированные точки зрения одобряют отказ от демократии в пользу других форм правления, которые также имеют высокую эпистемическую ценность. Что касается аргументов против «правления образованных» (элитизма), то они у Д. Эстлунда сводятся в конечном счете к тезису о квалифицированности возражения, согласно которому у образованной элиты могут быть собственные неявные предрассудки (и, соответственно, элитизм не может быть принят всеми квалифицированными точками зрения). Таким образом, демократия (а именно совещательная демократия) оказывается единственной формой правления, которая по своим эпистемическим качествам лучше, чем принятие решений случайным образом и которая при этом может быть принята всеми квалифицированными точками зрения.

ДИСКУССИИ ВОКРУГ КОНЦЕПЦИИ ЭПИСТЕМИЧЕСКОГО ПРОЦЕДУРАЛИЗМА

Как представляется, в аргументации Д. Эстлунда достаточно много слабых мест. Это и его убеждение, что компетентность и добросовестность правителя сами по себе не дают ему права на власть, и его определение «квалифицированных точек зрения», и те критерии, которые Д. Эстлунд предлагает для определения эпистемически лучшего правления, и его убежденность в эпистемической ценности (совещательной) демократии, и его аргументы против элитизма. Тем не менее следует признать, что концепция эпистемического процедурализма вызвала активные дебаты в западной литературе, в результате которых определились основные точки зрения. По всей видимости, большинство авторов согласилось с Д. Эстлундом в том, что «чистого процедурализма» (т.е. отсылка к самоценности демократической процедуры) недостаточно для нормативного обоснования демократии, и его следует дополнять эпистемическим обоснованием, но одновременно и не сводить все к последнему. Конечно, сегодня существуют и такие подходы к нормативному обоснованию демократии, которые не связывают ценность демократии с принятием правильных решений. Например, «минималистская концепция демократии», к идейным предшественникам которой можно отнести К. Поппера [7] и Й. Шумпетера [8],

а к активным разработчикам — У. Райкера [9], Р. Хардина [10] и А. Пшеворского [11], исходит из того, что демократия ценна уже потому, что позволяет избежать тирании и насилия. Есть также авторы (например [12, 13]), которые полагают, что процедурные обоснования демократии в конечном счете можно свести к эпистемическим. Однако в целом подход Д. Эстлунда пользуется большой популярностью.

ЭПИСТЕМИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОБОСНОВАНИЮ ДЕМОКРАТИИ В ЗАПАДНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Оригинальную точку зрения, согласно которой процедурные требования сами по себе уже гарантируют эпистемическую ценность, предложила Фабьен Питер, обозначив ее как чистый эпистемический процедурализм (взгляды Эстлунда она квалифицирует как рациональный эпистемический процедурализм). По мнению данной исследовательницы, независимые от процедуры критерии правильности не являются необходимыми для эпистемического обоснования демократии, ведь последнее достигается уже благодаря инклюзивности и разнообразию самого процесса демократического обсуждения, в ходе которого отбрасываются различные предрассудки [14; 15]. Здесь Питер вооружается уже эпистемологической позицией Х. Лонгино, согласно которой знание определяется исключительно через социальный процесс его производства, а сам этот процесс должен характеризоваться четырьмя признаками, каждый из которых отвечает на свой вопрос: (а) наличием пространства для критического дискурса («где?»), (б) восприятием критики («почему?»), (в) публично признанными стандартами оценки тезисов («как?») и (г) умеренным равенством интеллектуальной власти («кто?») [16]. Таким образом, надлежащая процедура не сводится к политическому равенству (равной возможности политического участия), а включает также эпистемологические требования.

Наконец, Снежана Приич Самаржия не согласилась с «чистым эпистемическим процедурализмом» Питер на том основании, что (а) в нем эпистемические ценности фактически сводятся к политическим и производны от них, к тому же (б) в нем дается слишком оптимистическая оценка эпистемических качеств демократических совещательных процедур (и не предлагает никаких критериев для оценки таких качеств)

[17, p. 131-133]. Одновременно Приич Самаржия не согласилась и с подходом Эстлунда (признавая при этом, что учет независимых от процедуры стандартов правильности является преимуществом данного подхода). По мнению рассматриваемого автора, во взглядах Эстлунда не ясно, как именно должны сочетаться политические и эпистемические ценности, т.е. ценность самой процедуры и независимый от процедуры стандарт правильности. Эти умозаключения заставляют Приич Самаржию считать «умеренный эпистемический процедурализм» Д. Эстлунда неустойчивым, и в конечном счете якобы сводящим эпистемические ценности к политическим [17, p. 140–145]. Что же касается собственной позиции Приич Самаржии, то она также пытается соединить политические и эпистемические ценности (поскольку по отдельности они не могут обосновать демократию как наилучшую форму правления), но в противовес и Питер, и Эстлунду пытается не свести эти ценности друг к другу. Такое «гибридное» обоснование автор пытается достичь посредством «разделения труда» между гражданами и экспертами, и называет этот подход «демократией на основе надежности» (reliability democracy). Здесь она опирается на позицию Т. Кристиано, согласно которой граждане должны иметь возможность определять цели общества, выбирать одну из конкурирующих экспертных программ по достижению этих целей, а также оценивать результаты реализации программ в свете поставленных целей [18]. К этому Приич Самаржия добавляет, что необходимо сделать граждан более активными, в частности позволить им выбирать конкретных экспертов, оценивать реализацию вышеуказанных принципов, обеспечивающих доверие к экспертам; кроме того, автор делает акцент на том, что власть экспертов должна в большей степени зависеть от понимания гражданами того, что конкретная экспертная программа является правильной (а не просто от того, насколько можно доверять экспертам) [19]. Демократия на основе надежности, согласно Приич Самаржии, подразумевает пять эпистемически значимых критериев, оценивая которые в каждом случае мы должны определять степень участия экспертов в демократии: надежность, действенность, эффективность, скорость, плодовитость. Общий смысл в том, что при оценке той или иной процедуры нужно принимать во внимание как со-

отношение правильных и неправильных решений, являющихся результатом ее применения, так и различные издержки, связанные с этой процедурой [20, p. 65]. Все это, однако, смещает фокус дискуссии от вопроса о соотношении политических и эпистемических ценностей к вопросу о соотношении ролей граждан и экспертов в политическом управлении, и в конечном счете служит обоснованию не столько демократии, сколько роли экспертов в политике.

Взгляды Ф. Питер и С. Приич Самаржии, как и взгляды Д. Эстлунда, не свободны от критики. Можно, например, критиковать эпистемологию Лонгино, на которую опирается Питер; вопросы вызывает и оценка С. Приич Самаржией взглядов Ф. Питер и Д. Эстлунда, а также ее собственная попытка соединить политические (процедурные) и эпистемические (инструментальные) ценности (пожалуй, ни один из эпистемических демократов внятно не обосновал это соотношение). Так или иначе, мы видим, что (а) в западной политической науке в последние годы возникла и активно развивается дискуссия относительно эпистемических способов обоснования демократии и (б) в рамках этой дискуссии сформировались такие подходы, как чистый эпистемический процедурализм (Ф. Питер), рациональный (умеренный) эпистемический процедурализм (Д. Эстлунд) и демократия на основе надежности (С. Приич Самаржия), которые соседствуют со взглядами, полностью отрицающими эпистемическую значимость демократии, или, наоборот, полагающими, что любые процедурные обоснования в конечном счете должны сводиться к эпистемическим.

Следует обратить внимание на то, что Д. Эстлунд еще до приведения эпистемических аргументов отверг эпистократию как альтернативу демократии (так как она не легитимна), а потому сравнивал демократию прежде всего с процедурой случайного принятия решений, но другие эпистемические демократы попытались доказать, что демократия как максимально инклюзивное политическое участие лучше «власти немногих» именно в эпистемическом плане (Х. Ландемор, Р. Гудин и К. Спикерманн). Но эти доказательства автоматически подразумевали, что в эпистемическом плане граждане во многих случаях вообще могут обойтись без экспертов. Соответственно, речь шла не просто о том, что демократия лучше недемократии, но и о том, что в демократии

роль экспертов, по всей видимости, будет сведена к минимуму. С нашей точки зрения, взгляды указанных авторов явно противоречат подходам Ф. Питер (так как исходят из существования объективного критерия правильности) и С. Приич Самаржи (так как не считают обращение к экспертным знаниям неотъемлемой частью демократии), оставаясь в рамках подхода Д. Эстлунда, но при этом они применяют иные обоснования демократии, которые являются более перспективными. Рассмотрим поэтому взгляды указанных авторов подробнее.

Так, центральный тезис Х. Ландемор, отстаиваемый ею в работе «Демократический разум» [21], заключается в том, что для большинства политических проблем в среднесрочной и долгосрочной перспективе принятие решений путем обсуждения с последующим голосованием будет эпистемически более приемлемым, чем правление экспертов или одного мудрого диктатора (даже если таковые будут действовать добросовестно). Таким образом, Х. Ландемор отстаивает гораздо более сильный тезис, чем Д. Эстлунд.

Преимущества демократии, согласно главному аргументу Д. Ландемор, вытекают из связи между инклюзивностью и когнитивным разнообразием (чем более широка группа, тем, вероятно, более разнообразны представленные в ней мнения). При этом когнитивное разнообразие группы (а именно разнообразие точек зрения, интерпретаций, эвристик и прогностических моделей), по мнению некоторых ученых [22, р. 16388; 23, р. 163], имеет большее значение, чем компетенция отдельных членов этой группы (при условии, что каждый член группы относительно умен и добросовестен). Это так называемая формула «diversity trumps ability» (DTA, разнообразие превышает способности). Соответственно, расширение группы лиц, участвующих в принятии решения, влечет увеличение разнообразия, а следовательно, и эпистемические преимущества. Причем, по логике Д. Ландемор, поскольку решение политических проблем требует знаний из различных областей, любое приращение разнообразия будет давать положительный эффект (критику см. в [24]).

ПОИСК ЭПИСТЕМИЧЕСКИХ ПРЕИМУЩЕСТВ ДЕМОКРАТИИ: АНАЛИЗ РАЗЛИЧНЫХ МЕТОДОВ

Все это, однако, очень похоже на схоластические рассуждения, поскольку Д. Ландемор порой за-

бывает про все другие эпистемически значимые факторы, помимо когнитивного разнообразия, а также про факторы, значимые не по эпистемологическим причинам. Так или иначе, Д. Ландемор вводит понятие коллективного интеллекта (не сводящегося к интеллекту отдельных членов коллектива) и полагает, что таковой образуется посредством двух механизмов: обсуждения и агрегирования. Автор пытается доказать, что данные механизмы, как правило, работают надлежащим образом, так как негативные явления, обычно связываемые с ними, на практике маловероятны и могут быть преодолены. Однако и здесь аргументация связывается с абстрактными моделями, а не с какими-то конкретными эмпирическими данными, вследствие чего несвободна от критики [25].

Наконец, Р. Гудин и К. Спикерман в работе «Эпистемическая теория демократии» [2] преследуют две цели: с одной стороны, доказать эпистемические преимущества демократии перед недемократическими формами правления, с другой стороны, предложить конкретные рекомендации, связанные с повышением эпистемической эффективности демократии. Первую цель они достигают через защиту теоремы присяжных Кондорсе от неверных интерпретаций и поспешной критики. Согласно указанной теореме, вероятность принятия правильного решения большинством голосов при выборе одного из двух вариантов возрастает практически до 100% по мере увеличения числа голосующих, при условии, что вероятность принятия правильного решения каждым из голосующих отдельно составляет хотя бы немногим более 50% [26]. Впоследствии были предложены более сильные версии данной теоремы, которые требуют лишь того, чтобы средний уровень индивидуальной компетентности избирателей был выше 50% [27, 28]. Р. Гудин в свое время предпринял попытку доказать, что во многих случаях теорема присяжных Кондорсе работает даже при числе альтернатив для выбора более двух, а вероятность принятия правильного решения хоть и меньше 50%, но выше, чем вероятность принятия каждого из неправильных решений [29, р. 91–108]. Вторая же из названных целей Р. Гудина и К. Спикермана реализуется через разработку ими ряда общих рекомендаций. Так, ученые полагают, что эпистемические преимущества демократии могут быть усилены, во-первых, через просвещение индивидов, во-вторых, через изменение самой

системы принятия решений. Применительно к последнему аспекту они указывают на такие методы, как: 1) повышение разнообразия в группе, принимающей решение; 2) разделение труда в области познания правильных решений; 3) поощрение дискуссий и обдумывания. Польза этих рекомендаций рассматриваемыми авторами демонстрируется на абстрактных моделях, более или менее напоминающих реальные политические практики.

В целом, если Д. Эстлунд обосновывает эпистемические качества демократии отсылкой к позитивным эффектам делиберации, то другие авторы, не отрицая эти позитивные эффекты, основной акцент делают на том, чтобы обосновать эпистемические преимущества агрегативных, а не совещательных механизмов. У Д. Ландемора это происходит через формулу ДТА, у Р. Гудина и К. Спикермана — через теорему присяжных Кондорсе. Однако оба варианта доказательств имеют одну и ту же слабость: они основываются на математических моделях, при этом ни одна математическая модель никогда не совпадает с реальностью в полной мере. Теорема присяжных Кондорсе, в частности, подразумевает независимость, искренность и достаточную компетенцию голосующих; «чудо агрегации», выраженное в формуле ДТА, работает только при определенном типе задач, и то если в решениях избирателей систематические ошибки отсутствуют или нейтрализуют друг друга.

ВЫВОДЫ

Итак, в начале XXI в. активизировались попытки западных ученых эпистемически обосновать демократию как наилучшую форму правления (т.е. доказать, что демократия способствует принятию более правильных политических решений). Это происходит в форме рационального/умеренного эпистемического процедурализма, чистого эпистемического процедурализма, а также в иных формах, например через концепцию «демократия на основе надежности». В рамках первой формы можно выделить три основных способа эпистемического обоснования демократии, а именно через демонстрацию эпистемических преимуществ: 1) делиберативных практик; 2) теоремы присяжных Кондорсе; 3) разнообразия мнений. Поскольку каждый из рассмотренных нами авторов предлагает свою собственную структуру обоснования и собственные аргументы, общая критика эпистемической теории демократии весьма затруднена. Однако в рамках данной статьи, по крайней мере, были сделаны наброски относительно того, какие направления критики указанных авторов являются более перспективными, а также было отмечено, что всем эпистемическим демократам не хватает внятной теории того, как именно их обоснования должны соотноситься с чисто процедурными обоснованиями демократии, отсылающими к ценности политического равенства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Landemore H. Beyond the fact of disagreement? The epistemic turn in deliberative democracy. *Social Epistemology*. 2017;31(3):277–295. DOI: 10.1080/02691728.2017.1317868
2. Goodin R.E., Spiekermann K. *An Epistemic Theory of Democracy*. Oxford: Oxford university press; 2018. 442 p.
3. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб.: Наука; 2008. 417 с.
4. Nino C.S. *The constitution of deliberative democracy*. New Haven & London: Yale University Press; 1996. 251 p.
5. Cohen J. An Epistemic Conception of Democracy. *Ethics*. 1986;97(1):26–38. DOI: 10.1086/292815
6. Estlund D. *Democratic Authority: A philosophical framework*. Princeton: Princeton university press; 2008. 309 p.
7. Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона. М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива»; 1992. 448 с.
8. Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М.: Эксмо; 2008. 861 с.
9. Riker W. *Liberalism against Populism*. Long Grove: Waveland Press; 1988. 311 p.
10. Hardin R. *Liberalism, Constitutionalism, and Democracy*. Oxford: Oxford University Press; 1999. 398 p.
11. Przeworski A. Minimalist conception of democracy: a defense. In: Dahl R., Shapiro I. and Cheibub J.A., editors. *The democracy sourcebook*. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press; 1999. p. 12–17.
12. Arneson R. Debate: Defending the Purely Instrumental Account of Democratic Legitimacy. *Journal of Political Philosophy*. 2003;11(1): 122–132. DOI: 10.1111/1467-9760.00170
13. Wall S. Democracy and equality. *Political Quarterly*. 2007;57:416–438. DOI: 10.1111/j.1467-9213.2007.495.x

14. Peter F. Democratic legitimacy and proceduralist social epistemology. *Politics, Philosophy, and Economics*. 2007;6(3):329–353. DOI: 10.1177/1470594X07081303
15. Peter F. Pure epistemic proceduralism. *Episteme: A Journal of Social Epistemology*. 2008;5(1):33–55. DOI: 10.3366/E 1742360008000221
16. Longino H. The fate of knowledge. Princeton: Princeton University Press; 2002. 233 p.
17. Prijic Samaržija S. Democracy and truth: the conflict between political and epistemic virtues. Milan: Mimesis International; 2018. 262 p.
18. Christiano T. Rational deliberation among experts and citizens. *Deliberative Systems: Deliberative Democracy at the Large Scale*. In: Parkinson J. and Mansbridge J., editors. Cambridge: Cambridge university press; 2012:27–51.
19. Prijic Samaržija S. The division of epistemic labor in democracy. *Anali Hrvatskog Politološkog Društva*. 2016;12(1):67–81. DOI: 10.20901/an.12.05
20. Prijic Samaržija S. The epistemology of democracy: the epistemic virtues of democracy philosophy and society. *Filozofija i društvo*. 2020;31(1):56–70. DOI: 10.2298/FID 2001056P
21. Landemore H. *Democratic Reason: Politics, Collective Intelligence, and the Rule of the Many*. Princeton and Oxford: Princeton University Press; 2013. 279 p.
22. Hong L., Page S. Groups of Diverse Problem Solvers Can Outperform Groups of High-Ability Problem Solvers. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States*. 2004;101(46):16385–16389.
23. Page S.E. *The Difference: How the Power of Diversity Creates Better Groups, Firms, Schools, and Societies*. Princeton, New York: Princeton University Press; 2007. 424 p.
24. Benson J. The epistemic value of deliberative democracy: how far can diversity take us? *Synthese*. 2021;199:8257–8289. DOI: 10.1007/s11229-021-03161-0
25. Rothstein B. Epistemic democracy and the quality of government. *European Politics and Society*. 2019; 1(20):16–31. DOI: 10.1080/23745118.2018.1515873
26. Condorcet. *Selected Writings*. Indianapolis: Bobbs-Merrill; 1976. 304 p.
27. Grofman B., Owen G., Feld S.L. Thirteen theorems in search of the truth. *Theory & Decision*. 1983;15(3):261–278. DOI: 10.1007/BF00125672
28. Berend D., Paroush J. When is Condorcet’s Jury Theorem valid? *Social Choice and Welfare*. 1998;15(4):481–488. DOI: 10.1007/s003550050118
29. Goodin R.E. *Reflective Democracy*. New York: Oxford university press; 2003. 279 p.

REFERENCES

1. Landemore H. Beyond the fact of disagreement? The epistemic turn in deliberative democracy. *Social Epistemology*. 2017;31(3):277–295. DOI: 10.1080/02691728.2017.1317868
2. Goodin R.E., Spiekermann K. *An Epistemic Theory of Democracy*. Oxford: Oxford university press; 2018. 442 p.
3. Habermas J. The Inclusion of the Other. St. Petersburg: Nauka; 2008. 417 p. (In Russ.).
4. Nino C.S. *The constitution of deliberative democracy*. New Haven & London: Yale University Press; 1996. 251 p.
5. Cohen J. An Epistemic Conception of Democracy. *Ethics*. 1986;97(1):26–38. DOI: 10.1086/292815
6. Estlund D. *Democratic Authority: A philosophical framework*. Princeton: Princeton university press; 2008. 309 p.
7. Popper K. *The Open Society and Its Enemies: The spell of Plato*. Moscow: Feniks, Mezhdunarodnyj fond “Kul’turnaya iniciativa”; 1992. 448 p. (In Russ.).
8. Shumpeter J. *Capitalism, Socialism, and Democracy*. Moscow: Eksmo; 2008. 861 p. (In Russ.).
9. Riker W. *Liberalism against Populism*. Long Grove: Waveland Press; 1988; 311 p.
10. Hardin R. *Liberalism, constitutionalism, and democracy*. Oxford: Oxford University Press; 1999. 398 p.
11. Przeworski A. Minimalist conception of democracy: a defense. In: Dahl R., Shapiro I. and Cheibub J.A., editors. *The democracy sourcebook*. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press; 1999. p. 12–17.
12. Arneson R. Debate: Defending the Purely Instrumental Account of Democratic Legitimacy. *Journal of Political Philosophy. Journal of Political Philosophy*. 2003;11(1):122–132. DOI: 10.1111/1467–9760.00170
13. Wall S. Democracy and Equality. *Political Quarterly*. 2007;57:416–438. DOI: 10.1111/j.1467-9213.2007.495.x
14. Peter F. Democratic Legitimacy and Proceduralist Social Epistemology. *Politics, Philosophy, and Economics*. 2007;6(3):329–353. DOI: 10.1177/1470594X07081303

15. Peter F. Pure Epistemic Proceduralism. *Episteme: A Journal of Social Epistemology*. 2008;5(1):33–55. DOI: 10.3366/E 1742360008000221
16. Longino H. The fate of knowledge. Princeton: Princeton University Press; 2002. 233 p.
17. Prijić Samaržija S. Democracy and Truth: The Conflict between Political and Epistemic Virtues. Milan: Mimesis International; 2018. 262 p.
18. Christiano T. Rational Deliberation among Experts and Citizens. *Deliberative Systems: Deliberative Democracy at the Large Scale*. Ed. by J. Parkinson and J. Mansbridge. Cambridge: Cambridge university press; 2012:27–51.
19. Prijić Samaržija S. The division of epistemic labor in democracy. *Anali Hrvatskog Politološkog Društva*. 2016;12(1):67–81. DOI: 10.20901/an.12.05
20. Prijić Samaržija S. The epistemology of democracy: the epistemic virtues of democracy philosophy and society. *Filozofija i drustvo*. 2020;31(1):56–70. DOI: 10.2298/FID 2001056P
21. Landemore H. Democratic Reason: Politics, Collective Intelligence, and the Rule of the Many. Princeton and Oxford: Princeton University Press; 2013. 279 p.
22. Hong L., Page S. Groups of Diverse Problem Solvers Can Outperform Groups of High-Ability Problem Solvers. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States*. 2004;101(46):16385–16389.
23. Page S.E. The Difference: How the Power of Diversity Creates Better Groups, Firms, Schools, and Societies. Princeton, New York: Princeton University Press; 2007. 424 p.
24. Benson J. The epistemic value of deliberative democracy: how far can diversity take us? *Synthese*. 2021;199:8257–8289. DOI: 10.1007/s11229-021-03161-0
25. Rothstein B. Epistemic democracy and the quality of government. *European Politics and Society*. 2019;1(20):16–31. DOI: 10.1080/23745118.2018.1515873
26. Condorcet. Selected Writings. Indianapolis: Bobbs-Merrill; 1976. 304 p.
27. Grofman B., Owen G., Feld S.L. Thirteen theorems in search of the truth. *Theory & Decision*. 1983;15(3):261–278. DOI: 10.1007/BF00125672
28. Berend D., Paroush J. When is Condorcet’s Jury Theorem valid? *Social Choice and Welfare*. 1998;15(4):481–488. DOI: 10.1007/s003550050118
29. Goodin R.E. Reflective Democracy. New York: Oxford university press; 2003. 279 p. DOI: 10.1086/428465

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Николай Александрович Шавеко — кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Удмуртского филиала по исследованию проблем этнополитики и государственного строительства, Институт философии и права, Уральское отделение Российской академии наук, Ижевск, Россия

Nikolai A. Shaveko — Cand. Sci. (Law.), Senior Research Fellow at the Udmurt Branch for the Study of Problems of Ethnopolitics and State Building, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Izhevsk, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-5481-7425>

shavekonikolai@gmail.com

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 12.08.2024; принята к публикации 9.12.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 12.08.2024; accepted for publication on 9.12.2024.

The author read and approved the final version of the manuscript.